Домик студента Чо

Александр Шакилов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ опубликован в сборнике "Звёздный портал", изд-во "Азбука-классика" (СПб).

- Александр Шакилов
  - ○

Александр Шакилов

Домик студента Чо

Я здоров, абсолютно, если не считать плоскостопие и хронический интерес к симпатичным девушкам. То есть: рак лёгких не мой случай. Герпес — извините, не по адресу. Инфекционное косоглазие — Бог миловал.

Танец Травы, Сник Ап и Кроу Хоп: наш профессор, наш лысый гений, выделывает ногами кренделя. Он обожает собирать конспекты "на проверку". У профессора насморк, ревматизм и слишком много свободного времени. Он не женат, точнее опять развёлся — долгими вечерами заняться нечем, а каракули пятикурсников помогают отвлечься. И даже развлечься. Грамматические ошибки — это же весело. Пропущенные запятые — обхохочешься. Вензельки и подчёркнутые цветными маркерами темы лекций — о, как же это пошленько и мило.

Профессор разворачивает голограмму доски: правый сектор традиционно коричневый, зато левый почему-то розово-кремовый. Похоже, у профессора игривое настроение.

— Здравствуйте, Адольф Петрович! — Захожу в аудиторию. — Фен, привет.

— Здорово, Чо.

Фен и я… — мы привычно не протягиваем друг другу руки; сажусь через ряд — ближе не за чем. Сгоняю с лица скорпиона и осторожно, чтобы никто не заметил, вставляю в нос затычки-фильтры — Маринка Галустян таскает в сумочке очень интересный баллончик: дезодорант по форме, смертельный аэрозоль по содержанию. Обожаю наблюдать, как Маринка пшикается дезиком: пш-ш-ш!! — бабочки, порхающие вокруг её симпатичной головки, сбиваются с ритма и меняют траекторию полёта.

Маринка ловит мой взгляд и отворачивается.

Подумаешь, а я всё равно её обожаю, из принципу. А Фен так вообще "без ума" от студентки Галустян. Я бы даже сказал, Фен "тайно влюблён", он "вздыхает, мечтает и не спит по ночам". Он спит на занятиях по совместимости симбионтов, проще говоря — Фен храпит на совсиме.

Кстати, Фен — это сокращённое от "феномен". В двенадцать лет парня выгнали из общеобразовательной школы, на прощание снабдив аттестатом половозрелости и золотой медалью. Теперь

Фену семнадцать, и ему угрожает пунцовый диплом с отличием. Уверен, наш вундеркинд закончил бы университет значительно раньше и проще, если бы не "соблазнительные" катаракты голубых глаз одной из наших сокурсниц, не будем тыкать пальцем какой именно.

Фен — мой напарник по проекту. Он — ходячее меню патологий людского организма. На каждый ваш кариес у него найдётся запущенная эмфизема. На любой авитаминоз Фен ответит прогрессирующей ветрянкой. И, если вы предложите в качестве козырного аргумента лучевую болезнь, Фен не растеряется — специально для экстренного случая у него заготовлены разжижение мозга и межвисочная недостаточность.

Теперь, я уверен, вы чётко осознаёте: Фен — это сокращённое от "феномен".

***

Ты стерильно здоров, твоя дезинфекция — песок и самум.

Ещё, казалось бы, недавно твоими единственными собеседниками были хвостатые личинки гекконов-шелкопрядов. Эти настырные псевдоящерки постоянно грызли скорлупу и точили об неё когти. Тебе было щекотно. Ты улыбался и дёргал плечом от удовольствия. А потом надоело.

И ты вылез.

И сыграл на старинной кедровой флейте. И горячий воздух ударялся о перегородку и попадал в привязанную цветными нитками фигурку дятла, оттуда — на острый срез секции отверстий.

Благодаря флейте ты стал сильным и здоровым.

***

— Фен, привет.

— Здорово, Чо.

Чёрный скарабей чистит лапки, сидя на угрястом носу Фена. Шарик из перхоти и волос жук спрятал за ухом хозяина.

— Чо, ты готов?

— Сегодня?

— Ага. Вечером. Не боись, я всё согласовал. Ты же не против?

— Да ладно, без разницы, я не в обиде. Во сколько?

— В восемь у тебя.

— Лады, не опаздывай.

Профессор читает лекцию, точнее напоминает что-то из основ:…к изменению последовательности аминокислот в полипептидной цепи, образующейся бу-бу-бу на рибосомах бу-бу-бу тра-ля-ля бу-бу-бу типы генных мутаций, связанных с добавлением, выпадением или перестановкой оснований в тра-ля-ля бу-бу-бу…

— Фен, слушай: А, может, не будем спешить? Ещё раз в теории прогоним, посчитаем? — Кладу в сумку библиотечный томик "Сказки народов мира". — Фен, стрёмно мне натуру запороть. Семь раз отмерь, один: А?

Фен недоволен. Это заметно по тому, как он закидывает за ухо пушистый оселедец, выкрашенный в фиолетовый цвет. Фен кривится, надкусывая бутерброд с аппетитно-зелёным синтетическим салом. Да-да, вы не ошиблись, Фен из этих самых, из аборигенов. Местный житель, жалкий потомок племени, продавшего город за две цистерны сакэ.

— Давай, Чо, без девичьих соплей. Вечером у тебя. "Зерно" упаковано. А ты остальное подготовь, будь добр, а? посуетись маленько?

Чёрный скарабей скачет по улыбке Фена.

Лапками — от виска до виска.

***

:кедровая флейта прилипла к губам; ты спел "лошадиную песню" и окурил тело засохшим кустиком полыни, помеченным скунсом-пересмешником. Полегчало — ты понял, чего хочешь.

Хочешь уйти.:и долго брёл по пескам. Может, год, а может, два. Или десять?

Двадцать?

Дольше?

Ты не знаешь, не уверен, ты просто шёл всё равно куда. Когда хотелось есть, ноги твои, раздвигая кремний, врастали в кожу пустыни. Корнепятки находили подземные реки, набухали водой, сплетались в сеть и ловили белёсых протеев. Влага и пища. Потребность? Привычка? Атавизм?

Одежды, украшенные иглами дикобраза, истрепались, бусы

рассыпались, орлиный гребень выщербился, а ты всё шёл, и шёл, и шёл: Ты искал дом для скорлупы, изъеденной личинками гекконов-шелкопрядов. Дом. Покой. Искал. А нашёл город.

И теперь твой диагноз — студент.

***

Метро, маршрутный дирижабль, полквартала пешком — я возвращаюсь в малогабаритное убежище: четыре стены, санузел, мебель, электричество.

Вот она, бетонная коробка, продырявленная оконными проёмами.

Подъезд, пятый слева — первая линия обороны: урна и две лавочки.

Браться ладонью за оцинкованную ручку двери категорически воспрещается. К металлу выведены два проводка, синий и жёлтый, они тянутся к квартире Сергея Леонидовича, заслуженного ассенизатора на пенсии. Проводки произрастают из обычной пластмассовой розетки.

Аккуратно подковыриваю дверь носком ботинка. Хорошо, в самом низу косяка есть небольшой зазор. Закрываю рот, вхожу в парадное. Дышать здесь можно только через фильтры, отрегулированные на максимум очистки. Это госпожа Фэй-янь веселится: регулярно закачивает подъезд ипритом.

Темно. Так и хочется выставить перед собой ладони и прижаться к стене — для устойчивости. Но! — нельзя. Потому как иглы шприцев. Пару недель назад Сардар, худощавый подросток с третьего этажа, на какой-то тусовке подхватил очередной штамм неоСПИДа. И теперь мальчишка ковыряет в стенах дыры, с помощью жвачки закрепляя в них использованные иглы. Сардар бьёт стоваттки, мечтая, что в темноте кто-нибудь угоститься его острыми "шутками".

Восхождение. Скрежет замка, раздеться, разуться. Телевизор не включать, опасно — из-за беспорядочного мелькания гипнорекламы слишком велик риск подхватить эпилепсию.

Пакет вьетнамской вермишели, кипяток — ужин готов. Мой ручной скорпион спрыгивает на стол, ловит таракана, ест. Наши кулинарные пристрастия слегка отличаются.

Вытаскиваю из сумки пачку конспектов. Верхний — совсим. Страницы толстой тетрадки пропитались кровью: у Адольфа Петровича жуткий насморк, проверяя конспекты, он частенько

чихает.

Жду. Скоро восемь.

***

:и брёл всё равно куда. Самум поселился в колтунах твоих волос, и песок щекотал орлиные перья на голове.

Город ты почувствовал издалека. Дым фабричных труб и крематориев, вонь блошиных рынков и химических заводов, вены проводов и мрачные туши дирижаблей над стеной-оградой. И вода, много воды, отравленной жидкости, хлюпающей из труб и желобов, осиными сотами пронзивших бетонные плиты, по периметру окружающие небоскрёбы и проспекты. Вода текла, испарялась и, заполняя выемки в пересохшей глине, застаивалась, рождая легионы малярийных стрекоз-слепней и тифозных комаров-богомолов.

Город. Вавилон. Мегаполис Дзию. Болотная гать, шаг, шаг, ещё: — и стена, дверь, и приглушённый ржавчиной голос:

— Кто?

— Я.

— Что надо?

— Войти. Внутрь.

— Зачем?

— Дом. Мне нужен дом. Приют. Свой угол. Пустите!

— Входи, путник. Будь как дома.

И ты вошёл в скрип изжёванных временем петель, ты был снаружи, а теперь внутри, ты упираешься лбом в маслянистый ствол автоматического гранатомёта — тебе рады, встречают; это хунка, церемония принятия родства.

— Великий Дух да направит ваши стрелы, укрепит щиты и вложит дыхание в горла ваших бизонов! — говоришь ты, и тебя бьют прикладом в лицо. Возможно, у местного племени просто нет лошадиного хвоста, что бы приветливо обмахнуть твои щёки. И поэтому они используют:

Падаешь.

Теперь ты горожанин, без вариантов.

Щелчки предохранителей, "зайчики" лазерных прицелов, и приглушённый забралом триплексной каски голос:

— Чо надо?! Чо ты здесь делаешь, м-мать твою?!

***

"Русские цыплята никогда не болеют мытом (насморком), губительным для всех иностранных пород", — от нечего делать я листаю конспект.

Ровно в восемь появляется Фен, на плече у него жёлто-голубая спортивная сумка. Значит, Фен был на тренировке. Тренировка — это боевой гопак, отмеченный в УК Вавилона исправительно-трудовой статьёй. Аборигены собираются в каком-нибудь сыром подвале, курят тютюн и разговаривают на непонятном языке. Ещё — то ли дерутся, то ли танцуют. Фен! Безумец! У него в сумке "зерно", плод трёхмесячных страданий, а он чёрти чем занимается, непонятно где шастает!

Фен трёт обожённую током ладонь, он вынимает из предплечья две иглы:

— Ну и бардак у тебя в подъезде.

— И не говори.

Мы выходим на улицу, ловим рикшу:

— Шеф, подкинь, да?

Молодой таджик отвозит нас на городскую свалку. Я расплачиваюсь; на мускулистой груди рикши дремлет мохнатый тарантул.

Извозчик возвращается на проспект, а мы уже у серебристой диафрагмы пропускника. Из караулки выходит седой японец-буракумин, на его песочном камуфляже позвякивают медали и наградные знаки:

— Кто? Что надо?! — лает неприкасаемый, хватаясь за стрекало электрошокера.

— Мы. Вот, — мы протягивает запястья биотатуировками штрих-кодов кверху, мы ничего не скрываем, у нас нет проблем с Законом.

Японец считывает сканером два файла-пропуска:

— Прошу, — подобострастно улыбается. — Шаманить, значит, пожаловали? Для вас заказан сектор 3-4-7j бис. Найдёте? Или от щедрот модифа-проводника пожертвовать? Есть у меня отличный дог, великолепный зверь. За умеренную плату я бы мог ссудить на некоторое время:

— Спасибо. Найдём, — не сомневается Фен. Мне бы его уверенность и::нашли. Почти сразу — минут пятнадцать потратили.

— Да уж, уютное местечко, — осматривается напарничек. — Хорошо, я Маринку с собой не взял. Она очень просила, а я не взял. Не надо ей.

— Ты рассказал? — удивляюсь я. — То-то она ТАК смотрела: И правильно, её тоже касается, она… Если бы не она: и не ты:

— И ты тоже, — обрывает меня Фен. — Что уж теперь? "Зерно"-то проросло. Ты готов?

— Всегда готов.

Пучок "душистой травы", клочок бизоньей шерсти, корешки и сухожилия. От пояса до макушки я выкрашен алой эмалью, ноги в жидкой грязи. Тело моё разрисовано древесным углём. На правой щеке — полумесяц, на левой — Солнце. Под сердцем — Солнце, на правой лопатке — полумесяц. От морщин на лбу, по носу, к подбородку опускается белая полоса нитрокраски. Кольца полос обхватывают лодыжки и запястья. Всё согласно техпроцессу.

Танец Травы, Сник Ап и Кроу Хоп — я выделываю ногами кренделя, в точности повторяя движения, заученные на практических занятиях. Я шлёпаю костяшками пальцев в бубен: кожа, скальп девственницы, гудит и грозит порваться. Фен улыбается, скарабей спрятался в волосах.

Фен вскрывает криогенную капсулу.

***

:прикладом в лицо.

Вот так тебе присвоили гражданство — выдали парочку членистолапых тварей, о котором должно заботится. Если насекомые умрут или пропадут без вести, тебя выгонят из города.

С позором.

Ты выбрал имя и поселился на свалке — отковырял в металлоломе нору. И была зима, и с засвеченного прожекторами неба падал снег и замёрзшие синицы. Сердобольная старушка выгуливала меж терриконов мусора лохматого зооморфа, гибрид шимпанзе и ньюфаундленда. А ты сидел у коптящего старыми покрышками костра. Старушка подошла, присела рядом и поведала, что жить в норе не очень удобно. Нора — это не квартира, и тем более не дом. В нору никто не пришлёт и-мейл и не отправит бандероль. В нору не ходят в гости. Девушки игнорируют парней, которые живут в норах, девушки предпочитают молодых людей с внушительной пропиской.

Падал снег, старушка куталась в выцветшее розовое кимоно на шиншилловом меху.

— Спасибо, — ты повернулся, чтобы уйти, чтобы навсегда покинуть убежище в металлоломе. — Спасибо.

— Не за что, — она ударила тебя виброножом в спину, слегка оцарапав скорлупу. Ты чуть было не обиделся и спросил:

— Зачем?

— Надо, — ответила старушка; две оранжевые сколопендры приютились на её локтях. — Ты слишком здоров. Так нельзя, люди не любят уродов.:с тех пор ты завёл себе насморк и заметно хромаешь, ты вымазываешь лицо синюшным тональным кремом и плачешься на боль в спине и суставах; за громадную взятку ты приобрёл настоящую медицинскую карту — истрёпанные бумаги-страницы, похороненные в десятках неизлечимых хвороб и диагнозов:

А ещё, задыхаясь от астмы, хозяйка сколопендр прошептала:

— Мой тебе совет, парень. Поступай-ка в университет. Иногородним предоставляется общежитие.

— Спасибо, — ты выдернул вибронож из правого лёгкого и вернул женщине. — Спасибо. Мне чужого не надо.

Вот так ты стал студентом.

***

И. И. И ещё раз "И". Не верите? Ладно, я докажу. Сначала имплантация, потом жёсткая инверсия — самая, что ни на есть, хромосомная перестройка с переворотом генетического материала на сто восемьдесят градусов. Инволюция и атрофия ненужных органов с помощью ингибиторов. И прочее-прочее. И в конце — проверка уровня иммуноцитов.

И, и, и ещё раз "И".

Убедил?

Но вначале был эмбрион. И только потом — "зерно".

Фен вскрывает криогенную капсулу — кончик вспухает титановыми лепестками, а я танцую, шлёпаю в бубен. Я — Пёс-Солдат, и бледнолицые опять умирают у Литл-Биг-Хорн; Отец Махэо, создатель Четырёх Священных Существ, поможет мне, я знаю.

Поможет нам.

Рядом груда металлолома — это хорошо, это то, что нужно. Чуть дальше — терриконы покрышек, стоптанная обувка карьерных грузовиков. Стекло, микросхемы, бетонная крошка, полиэтиленовые мешки с пищевыми отходами, серпантин туалетной бумаги б/у и толстокожие пласты пересохшего линолеума.

Для начала хватит. Комплект основных веществ обеспечен, остальное в процессе добавим, не проблема.

Титановые лепестки блестят в свете прожекторов, выхватывающих площадку 3-4-7j бис из вечернего полумрака, как зимородок уклейку из пруда-отстойника. Миниатюрный поршень выталкивает "зерно" к "растрёпанному" кончику капсулы.

И:

Фен испуган, не решается — молодой ещё для дел благородных: годков-то семнадцать, зато амбиций на весь пенсионный возраст.

— Ну?! — я устал взывать к духам предков: ноги болят, сколько можно прыгать?!

— Да-да, сейчас. — Фен неуклюже роняет "зерно" в мусор под ногами и::описывать процесс наноразвёртки не имеет смысла. Ежели интересно до не могу, откройте любой учебник по натотехнологии и прочтите. Тема, скажем честно, в научной литературе обмусолена не единожды, и в популярных журнальчиках даже не сотни раз промаринована:

Получилось!

Получилось!!:что именно у нас получилось, описывать, думаю, тоже не стоит. Вы и так в курсе: наш случай — хрестоматийный пример из учебника по совсиму:

Фен в шоке. Я тоже. Теперь мы — настоящие творцы, биоинженеры с фундаментальным и чердачным уклоном.

Шелест обёрток, хруст битого стекла, треск обглоданных костей — каблуки-подковы нащупывают оптимальную тропу в завалах вторсырья. На поляну, очищенную "голодным" "зерном" выходит заказчик.

Изделие нервно дёргается, сопит. Скребёт когтями.

Заказчик вынимает из набедренной кобуры "микро-узи", щёлкает предохранитель — так, на всякий случай, мало ли. Как бы то ни было, заказчик готов выслушать нас. Надеюсь, внимательно и не придираясь к огрехам. — :гидрозащита обычная, Адольф Петрович: кора ели, традиционный вариант. Образец купили в зоомагазине на Сумской стрит, ну, знаете, недалеко от дайбуцу и:

— Не отвлекайся, Чо. — Профессор напряжён. Профессор нервничает. Я впервые вижу его таким: неадекватным?

— Ну, что ещё: Стены сруба на основе "тёплых" деревьев. Пришлось прокатиться в Чугуевское лесничество, найти стволы, достаточно поросшие мхом. Фен сделал копии, а я занимался технической стороной проблемы. К примеру, связка из четырёх брёвен типа "венец" — это моя работа. Правда, неплохо получилось? Регенераты, то регенерированные стволы, сидят как

влитые — классический квадрат без штырей, скоб и гвоздей:

— Продолжай, Чо, рассказывай.

Не проблема, запросто:

— После развёртки нужна первичная подкормка, пока растущее изделие не начнёт использовать окружающие ресурсы. Применили комбинированные концентраты, мясокостную муку с витаминными и минеральными добавками. Ну, и антибиотики, конечно, куда ж без них. Это, как вы понимаете, касается второго симбионта. Мы долго думали, какая порода более подходящая. Остановились на двух вариантах: японские бентамки и русская порода. Как Вы видите, выбрали русскую: изделие оснащено большими крыльями, совмещающими функции терморегулятора и солнечных батарей, также характерны короткие голени, тонкие неоперённые плюсны — аспидно-чёрные. В качестве декоративного компонента решили оставить хвост с длинными, так называемыми, косицами. Вообще, конечно, выбор породы обусловлен, прежде всего, выносливостью донора, простите за просторечие — здоровьем…

Профессор чешет лысину:

— Здоровье это хорошо, это правильно. И всё-таки, парни, чем обусловлен такой необычный выбор? Вот Маркин, например, соорудил банальную улитку, но! — с атомной батареей! Зурабашвили Реваз обрадовал отличным погребом, вырытым дождевыми червями-мутантами. А вы…

Профессор хмурится, профессор закатывает рукава демисезонного плаща. Блестит смазкой ствол огнемёта. Профессор стреляет от бедра — струя пламени полощет по бревенчатой крыше, по стёклам-глазам, по крыльям-аккумуляторам.

Фен кричит, кидается на профессора, я хватаю Фена, нельзя, не пускаю, это же тест, проверка!..

Пламя не причиняет изделию ни малейшего вреда.

Адольф Петрович удивлённо крякает, подходит к подрагивающим от страха сосновым стенам, осторожно касается дверного косяка — с нажимом, рискуя загнать занозу, проводит пальцем. Стирает копоть о штанину. Удивлён и, похоже, доволен. Вынимает из внутреннего кармана плаща запаянную колбу с дремлющими до поры до времени термитами. Эти искусственно выведенные твари — предмет особой гордости Адольфа Петровича, его личные насекомые. Профессор выпускает "железных дровосеков" на деревянный подоконник.

Спустя минуту термиты возвращаются в колбу — голодные.

Теперь Адольф Петрович удивлён и возмущён. Он повязывает хатимаки, он вне себя от ярости: покраснел и побелел, и опять

покраснел:

— Вы!.. Да вы!!

Из-под плаща вырывается катана — лезвие отскакивает от двери. Игла ветеринарного шприца тупится о венец. Граната, закинутая в доверчиво приоткрытое окно, не взрывается Профессор вытирает хатимаки пот со лба — белая ткань мгновенно насыщается солёной влагой и темнеет. Профессор тяжело дышит:

— Иммуноциты?!

— Не поверите! Домик здоров как бизон! И даже здоровее! Иммунная система совершенна. Адольф Петрович, это же идеал, полигенная компоновка безупречна!

— Полигенная, говоришь?.. А летальные гены?!

— Боже упаси! Никакой "курчавости перьев", всё вычищено до блеска! Вы спрашивали, почему такая компоновка? Вот! — Протягиваю Адольфу Петровичу раритетный томик "Сказки народов мира". — Обратите внимание, страница шестьсот тридцать вторая раздела "Технические термины славянских сказок". Там есть подробное описание — нечто, называемое "Избушка на курьих ножках". Вот мы и попытались воплотить в жизнь данную конфигурацию.

— Да?.. А что, похоже. — Профессор разглядывает рисунок в книге. Возвращает мне томик. Подходит к изделию, присаживается, гладит и трогает когти. — Избушка, значит? На курьих ножках? Ну что ж, господа биоархитекторы, давайте зачётки. С курсовым проектом вы справились на отлично.

— Спасибо, Адольф Петрович!

— Не за что.

— Адольф Петрович, мы бы хотели: Мисс Галустян принимала непосредственное участие в нашем проекте. Она… Вы же сами нас учили, вначале должен быть эмбрион, основа, ну, то есть платформа, от которой… и только потом…

— Эмбрион? — Адольф Петрович улыбается и оглушительно чихает. — Маринка, значит?! Молодец девуля! Смелая, не ожидал. А кто папаша у сего курсача в натуральную величину?

***

…когда спрашивают, почему ты живёшь в пивном ларьке, а не в пентхаусе с очередной нимфоманкой-женой, ты просто улыбаешься и молчишь. …когда спрашивают, что было раньше,

яйцо или бройлер, ты улыбаешься и молчишь. Так проще.

У тебя, наконец, появился Дом. На курьих ножках. Настоящий Дом, надёжный и здоровый — есть куда спрятать постаревшую скорлупу; сбылась мечта студента.

Говорят, мужчина должен собрать икебану, построить небоскрёб и клонировать сына. А если совместить? За основу взять чужой зародыш и опять же чужими руками слегка видоизменить его в обыкновенном лабораторном регрессоре? А в качестве симбионта добавить теперь уже стандартную нанозаготовку типа "изба обыкновенная"?..

Кстати, благодаря твоим стараниям, ребятки запатентовали проект и даже выгодно продали технологию развёртки. Покупатель — пивная компания "Сан Арсенал". Теперь по всему городу бегают биокиоски, клюют с тротуара мусор, царапают когтями асфальт.

Присядет в укромном местечке влюблённая парочка, и тут как тут — киоск подбегает: "Пивка не желаете?! Холодненького, с пузырьками?!" В общем, продажи светлых сортов заметно возросли. К тому же, торговцам обеспечены все удобства не отходя от кассы: летом киоск крылышками машет — прохладу нагоняет, зимой нахохлится — и тепло внутри и уютно.

Чо ушёл в пустыню — дабы осознать себя с помощью медитаций и древних индейских практик. Фен женился на Маринке Галустян — обязан был, как честный мужчина. Теперь они вдвоём к тебе в гости заглядывают — частенько, не реже, чем разок в неделю. Сначала звякнут на трубу, поинтересуются, где ты нынче кочуешь.

А ты отвечаешь:

— В гидропарке бродяжничаю, Дом выгуливаю. Хорошо! Воздухом дышу, конспектами балуюсь.

И тогда ребятки ловят такси и приезжают. И вы общаетесь чуть-чуть.

— Адольф Петрович, вы это… Берегите его, пожалуйста. — Хлюпает носом Фен.

— Сынок… — Маринка гладит стены твоего Дома, и бабочки порхают вокруг её симпатичной головки.

А потом Фен берёт супругу под локоток, и они уходят, им пора. …вначале был эмбрион. И только потом — "зерно".